

**Автономная некоммерческая
образовательная организация
высшего образования «НЕВСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫ
КА И КУЛЬТУРЫ»
АНООВО «НИЯК»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
XVIII НЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
ОСЕННЯЯ СЕССИЯ**

**КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В КИНЕМАТОГРАФЕ
1-3 декабря 2022 года**

Санкт-Петербург

2023

УДК 009
УДК 378.147

ББК 7(ж)0

Редакционная коллегия: М.И. Диброва, канд. филол. наук, доцент,
Н.И. Озерова, канд. филол. наук, доцент, Г.Л. Бардиер, д-р психол. наук, профессор кафедры культурологии Невского института языка и культуры, С.Г. Божкова, канд. ист. наук, Э.В. Бушуева, старший преподаватель, В.В. Грибова, старший преподаватель, Г.Б. Дудченко, канд. ист. наук, доцент.

Рецензенты: Н.Ю. Данилова, канд. филол. наук, доцент кафедры педагогики и педагогических технологий, ЛГУ им. А.С. Пушкина, Н.В. Денисова, канд. филол. наук, доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии СПбГУ.

Составитель и научный редактор: Э.В. Бушуева.

Культурные коды в кинематографе // Материалы Международной научной сессии «XVIII Невские чтения» Осенняя сессия. (1 – 3 декабря 2022 г.). – СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2023. – ...с.

ISBN 978-5-6047-7918-4

Сборник содержит материалы ежегодной научной сессии «Невские чтения». Осенняя сессия Невских чтений была посвящена вопросам культурных кодов в кинематографе. Работа сессии была приурочена к 100-летию образования СССР, Дню народного единства, Международному дню анимации, Всемирному дню телевидения, Десятилетию детства в Российской Федерации Международному десятилетию сближения культур. В ней приняли участие известные специалисты, профессорско-преподавательский состав, студенты вузов и молодые исследователи. Невские чтения проводятся в Невском институте языка и культуры с 2000 года. Это уже ставшее традицией обсуждение современных гуманитарных проблем в актуальных форматах круглых столов, подиумных дискуссий, научно-практических конференций и дискуссионных площадок.

© Авторы статей.

ISBN 978-5-6047-7918-4

© Невский институт языка и культуры.

что интерес к историческим личностям среди представителей нового поколения начнет возрождаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рок Бриннер. Империя и одиссея. Бриннеры в Дальневосточной России и за ее пределами. Владивосток: Фантом Пресс, 2015. – 530 с.

2. Рок Бриннер. Юл: Человек, который был бы королем. Рубеж, 2012. – 384 с.

3. Ирина Бриннер. Что я помню. Владивосток: Рубеж, 2014. – 216 с.

4. Бринеры. URL: <http://bryners.ru> (дата обращения 15.11.22)

5. Юрий Янковский, Валерий Янковский, Михаил Янковский. Нэнуни. Дальневосточная одиссея. Владивосток: Рубеж, 2020. – 640 с.

А.В. Лисневская,
студент бакалавриата
(Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
Санкт-Петербург, Россия
Alexandra.Lisnevskaya@yandex.ru

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ АМЕРИКАНСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ

Статья посвящена описанию женских образов в американском драматическом телесериале "BigLittleLies"

(«Большая маленькая ложь» 2017 г.). Исследуются психологические и социальные характеристики основных женских персонажей, внешнее семейное и профессиональное благополучие которых скрывает ссоры, измены и домашнее насилие. В ходе лингвистического анализа выявляются языковые средства и приемы, конструирующие женские характеры и одновременно с этим актуализирующие острую проблематику эпохи: борьбу с психологическим и физическим абюзом. Делается вывод о реалистичном образе современной американки, репрезентируемом в диалогической речи на разных языковых уровнях.

Ключевые слова. Абюз, американский кинематограф, образ женщины, оксюморон, психологическое насилие, физическое насилие, "BigLittleLies".

A. Lisnevskaya,
undergraduate student
(Saint Petersburg State Electrotechnical University
«LETI»)
St.-Petersburg, Russia

THE IMAGE OF A WOMAN IN MODERN AMERICAN CINEMATOGRAPHY

The report is devoted to the description of female images in the American drama television series "Big Little Lies" 2017. The psychological and social characteristics of the main female characters, whose external family and professional well-being hides quarrels, infidelities and domestic violence, are examined. Linguistic analysis reveals linguistic means and techniques that build female characters and at the same time actualize the acute problems of the era: the struggle with psychological and physical abuse. The conclusion is made

about the realistic image of a modern American woman, represented in dialogical speech at different language levels.

Keywords. Abuse, American cinema, "Big Little Lies", охуморон, physical violence, psychological violence.

Невозможно не согласиться с утверждением, что кинематограф является неотъемлемой частью человеческой жизни. За последние несколько десятилетий кино проникло во все сферы человеческой культуры. Это полноценное средство для образования, развлечения, пропаганды. Однако кинематограф играет более значительную роль, чем простое развитие технологий и экономики. Его можно выделить в отдельный социальный институт, поскольку художественные картины влияют на жизнь общества. С помощью зрительных стимуляций фильмы вызывают широкий диапазон эмоциональных состояний и мыслей у человека, которые в последствие отражаются в его деятельности. Кино формирует сознание.

Множество стран уделяют кинематографу важное значение. Соединенные Штаты Америки не являются исключением. Начиная с 20-х годов XX века киноиндустрия США стоит на первом месте в мире по количеству выпускаемых фильмов. Американское кино десятилетиями развивалось в направлении мужского кино с позиции идеологии и по факту мужского доминирования в сюжете фильма. Долгое время в традиционных американских жанрах кино, а именно вестерн, полицейская и гангстерская драмы, «черный фильм», боевик ("экшн"), главными героями выступали мужчины. Кинокартины транслировали мужчин как

защитников и покровителей, олицетворяя власть, силу, закон и справедливость [1].

На контрасте с этим женщины имели лишь второстепенные, больше вспомогательные роли. Жанры, в которых женщина могла рассчитывать если не на главную, то, по крайней мере, на равноценную с мужчиной роль, были драма, комедия, мюзикл и мелодрама. Но и в этих фильмах до конца 1960-х годов женщина являлась не самостоятельной единицей, а отражением представлений мужчин об ее предназначении, внешнем виде и необходимых качествах [1].

Ролевой диапазон актрисы того времени зачастую исчерпывался всего тремя основными амплуа: добропорядочная супруга, женщина-вамп, женщина легкого поведения. Все три образа показывают женщину в отношении ее значения в жизни мужчины [1].

С 70-х годов кинематограф претерпевал медленные изменения под влиянием социальных потрясений, борьбы за гражданские права и молодежного бунта. Стали появляться фильмы, в которых отражались идеи расширения прав женщин и чувствовалось развеивание мифа о превосходстве мужчин. Режиссеры стали показывать героинь, которые прошли тяжелый путь освобождений от ярлыков общества о женском предназначении к самореализации без зависимости от мужчины [1].

В 80-е годы фильмы с женщинами в главной роли начали занимать лидирующие места в американском кинематографе. Картины показывали женщин, которые свободны в принятии решений, уверены в себе и своих

действиях, имеют цели как в личной жизни, так и в карьере [1].

В американских кинокартинах прослеживается тернистый путь развития образа женщины. В начале истории кинематографа женщина занимала низкую ступень, являясь дополнением к мужчине, и имела простые потребности и желания. С течением времени режиссеры стали показывать важность женщины в обществе, ее желание развиваться и достигать высот наравне с мужчинами.

В современную эпоху образ женщины конструируется через призму социальных проблем, через ситуации, с которыми она сталкивается, с тем, как с ними справляется.

Одной из самых острых социальных проблем, которая привлекает внимание многих известных режиссеров, является абьюз. Чаще всего под термином «абьюз» понимаются умышленные действия физического, сексуального, психологического или экономического воздействия одного человека по отношению к другому с целью сохранения власти и контроля или удовлетворения своих потребностей [2]. В настоящее время насилие в семье в любой форме является распространенным явлением. Чаще всего жертвами абьюза являются именно женщины [2].

Абьюз является популярной темой в кинопроизводстве, а также является одной из любимых идей режиссеров и сценаристов разных стран, поскольку может коснуться абсолютно любого человека, вне зависимости от его гендера, возраста, социальной роли, уровня дохода. Именно эта тема является ключевой в

американском драматическом телесериале «BigLittleLies» («Большая маленькая ложь»), вышедшим в свет в 2017 году. Автор проекта, известный режиссер Дэвид Э. Келли, с помощью женских персонажей раскрывает проблему абьюза и указывает на ее высокую социальную значимость.

В центре сериала пять женщин, каждая из которых за занавесом идеальной жизни прячет серьезные семейные проблемы, неудовлетворенность жизнью, психологические травмы, проблемы на работе, трудности материнства и различные формы абьюза.

Мадлен Маккензи – домохозяйка с двумя детьми от двух браков, которая несмотря на красивый дом у океана и заботливого супруга, глубоко несчастна. Женщина сильно обижена на своего бывшего мужа и чаще говорит о нем, нежели о своем нынешнем мужчине, которому год назад изменила.

Селеста Райт, оставившая любимое дело и успешную карьеру адвоката ради роли любящей мамы и жены. Ее жизнь кажется мечтой с молодым и богатым супругом, большим домом и двумя сыновьями. Однако за внешним спокойствием женщины скрываются травмы от серьезного физического и психологического насилия со стороны супруга.

Джейн Чапмен, жертва абьюза, которая воспитывает сына от мужчины-насильника. Девушка старается не привлекать к себе внимание и начать новую жизнь после пережитого. Однако в ее голове постоянно всплывают эпизоды той страшной ночи, появляются негативные и жестокие мысли.

Рената Клейн– женщина, построившая отличную карьеру и имеющая любимого мужа и дочку. Она старается контролировать абсолютно все, из-за чего муж выглядит полным неудачником, а семья держится на ней. Но Рената не показывает неудовлетворённость отношениями, а всем своим видом демонстрирует счастье и успех.

Бонни Карлсон – женщина, которая держится в стороне от всех родительских проблем, спокойно воспитывает ребенка и живет с любимым мужем. В глазах окружающих она выглядит доброй и заботливой девушкой с расслабленным образом жизни. Еще одна «идеальность», скрывающая глубокую травму.

Героини абсолютно разные, с очень разными характерами и судьбами. Их беседы касаются вопросов карьеры (Рената Клейн), отношений с противоположным полом (Мадлен Маккензи), физического и психологического насилия (Селеста Райт и Джейн Чапмен), воспитания детей (Бонни Карлсон), при этом наиболее острой и общей для них проблемой остается абьюз во всех его проявлениях, что в разной мере актуализируется в диалогах и монологах женских персонажей и поэтому доступно для лингвистического анализа. Основные результаты исследования заключаются в следующем.

Интересно отметить, что проблема борьбы с физическим и психологическим абьюзом и его серьезными последствиями отражена в самом названии сериала посредством стилистического приема **оксюморона**: речь идет о лжи, приобретающей все

больший масштаб из-за проблемы абьюзивных отношений.

I. Тема абьюза и отношение к нему выражены, в первую очередь, на лексическом уровне и репрезентируется с помощью *глагольных предикатов*разных семантических групп (здесь и далее приводятся примеры по [3])

1. *Глагольные предикаты, отражающие насильственные действия абьюзера*: “Whenhehurtsme/Когда он делает мне больно“, “Yougonnahitmenow?/Ударить меня?”, “It’sjustdifficultwhenyoutrytocontrolme/Тяжело, что ты пытаешься контролировать меня”, “Youarehurtingme/Ты делаешь мне больно“, “Idon’tliketobetouched/Не люблю, когда меня трогают”. В данных случаях поведение абьюзера отражается как причинение физической и психологической боли человеку.

2. *Глагольные предикаты со значением просьбы, направленной абьюзеру*: “Takehandoffme/Убери руку“, “Removethehand/Убери свою чертову руку“, “Stopit!/Прекрати!”. Эти примеры показывают попытки женщин остановить насилие с помощью слов.

3. *Глагольные предикаты интенции*: “Idon’twanttobeblamed/Я не хочу быть виноватой“, “Letmego/Отпусти меня“, “Ihopethatyou’dhavesomeideasonthebestwaytocommunicatewithhimabouthimgoingbacktowork/Я надеюсь, что у вас есть какие-нибудь идеи о том, как лучше всего сказать ему, что я хочу вернуться на работу“, “Iwillleaveyou. You touch me like that again, and I will f*cking leave you!/Яподамнаразвод. Твою мать, еще раз меня тронешь,

и я подам на развод”. Среди глагольных предикатов, выражающих намерение, наиболее частотным оказалось значение «хотеть».

Психологическое состояние женщин актуализируется в речи с помощью *адъективных средств и неличных глагольных форм*. Языковые значения репрезентируют эмоции и чувства, которые испытывают женщины, подвергшиеся

насилию:

“That’s because I’m exhausted all the time from school, or the kids, or the play/ Потому что я очень устаю из-за школы, детей и постановки”, I was just stressed out/Я просто устала”, “I think I’m going insane/Мне кажется, я схожу с ума”, “I was actually afraid, that he would kill me/Я боялась, он убьет меня”,

“I’m so desperate to believe that Ziggy’s father is actually a good person/Я хочу верить, что отец Зигги хороший человек. Я хочу в это верить”,

“I suppose I’m just worried that he’s gonna take it as a rejection/ Наверное, я просто беспокоюсь, что он воспримет это как отказ”.

Переживание психологического и физического абьюза актуализируется *субстантивными значениями*:

“We should err on the side of safety/ Нужно действовать с позиции безопасности, “When my bruises fade/ Когда мои синяки проходят”, “I’m not a victim here/ Я не жертва”.

Особенно ярко эмоциональные переживания выражаются в многочисленных *лексических повторах и метафорических сравнениях*: «I make mistakes,

I’ve made mistakes bigger than this/ Я совершила ошибку, ужасную ошибку”, “I had my gun. I had my gun in my purse when I went to San Luis Obispo. I don’t think I would have

shot him, but I had it/У меня был с собой пистолет. Я взяла с собой пистолет, когда поехала в Сан-Луис-Обиспо. Вряд ли бы я его застрелила, но пистолет со мной был”, “I will leave you. You touch me like that again, and I will f*cking leave you!/Я подам на развод. Твою мать, еще раз меня тронешь и я подам на развод”, “That’s okay. That’s okay, that’s okay. That’s a human reaction. That’s alright. That’s alright/Все хорошо, все хорошо, хорошо”. В речи женщины, переживающие разные формы насилия, используют *метафоры*: “It’s like ease saw/Перетягиваем как канат”, “I’m a mom. *This is my universe*. And currently, that universe is in meltdown/Я мама. Это моя Вселенная, а сейчас она рушится”. Таким образом, героини прячут свою боль, скрывая ее в сравнениях.

II. Психологическое состояние женщины, состоящей в абьюзивных отношениях, может быть выражено и на синтаксическом уровне, например, с помощью 1) *второстепенных членов предложения*: “It’s just for six years I’ve been *wiping* runny noses, *organizing* playdates, *doing* everything to be a good mom, you know? And today I felt alive, I felt good. Being a mother, it’s not enough for me/Просто я шесть лет утирала носы, делала все, чтобы быть хорошей мамой, организовывала игры, и сегодня я почувствовала себя реально живой. Быть матерью для меня мало”, “And in that case, you need to be *strong*, and *independent*, and *educated*, and a *strong woman*/И тогда лучше тебе быть сильной, независимой, образованной и сильной женщиной”. Таким способом героиня передает напряженность собственного состояния; 2) *вопросительных конструкций* в речи: “Do you surf? Do you have a husband, or ... I shouldn’t

assume. Boyfriend, girlfriend? What about Ziggy's dad? Where'd you move here from/Тынедавноздесь? Серфингом занимаешься? Есть муж? Есть парень, девушка, я открыта всем вкусам. А что же отец Зигги? Откуда ты переехала?". Таким способом Мадлен Маккензи проявляет интерес к жизни других людей, стараясь отвлечься от собственных проблем; 3) *восклицательных конструкций*: "I'm not right! I'm not f*cking perfect!/Я не всегда права! И я не идеальна!", "His suspension? Are people actually signing this? He is six! We don't even know he is the bully!/Отчисление? И кто-то подписывает петицию?! Ему шесть! И не факт, что он вообще виноват!", "Was it that Ziggy? Well, just tell us! All right? It's not alright! She's being bullied! Oh my God! It's a bite! Someone is biting our daughter!/Этот тот Зигги?! Скажи нам. Хорошо? Какой там хорошо! Над ней издеваются! Господи! Ее укусили! Кто-то кусает нашу дочь!". Такой эмоциональный окрас предложений говорит о сильных чувствах, которые вызывает борьба с разными формами насилия.

III. На стилистическом языковом уровне отсылки к абьюзивным отношениям осуществляются с помощью 1) *антитезы*: "She is so pretty and free-spirited, and bohemian and all-loving that sometimes I just want to punch her in the face/Она хорошенькая. Вообще настолько хорошенькая и вольномыслящая, и богемная, и всех любящая, что иногда хочется дать ей в рожу", "I mean, she whines if I ask her to set the table, but peel one f*cking potato with Bonnie/Стоит мне попросить ее накрыть на стол – она ноет, а для Бонни чистит

картошку”. Женщины сравнивают свою жизнь с мужчиной, который нанес психологическую травму, и без него; 2) *приемапарцелляции*: “Youhavetobeabig girl. And use your voice in this world!/Нужнобытьсильной, Амабелла! Будь большой девочкой! Не бойся постоять за себя!”.

IV. Выражение ментального состояния женщины, пострадавшей от абьюза или испытывающей абюз, актуализируется и на грамматическом языковом уровне:

1) *Категориянастоящеговремени* указывает на переживание абьюза в настоящий момент: “Passionisdefinitelynotourproblem. We love each other very much. We *fight* a lot and we say things/Сострастьюунаспроблемнет. Мы очень любим друг друга. Мы ругаемся, говорим друг другу разное”.

2) Приобретенный опыт насилия выражен глагольными предикатами в форме *прошедшеговремени*: “Ialwaysknewthatmyreactiontothatnight*hadbeento*o big. I *pretended*like it meant nothing/Яоченьостроотреагироваланатесобытия.

Претворялась, будтоэтотичегонезначило”, “I still hope, that whoever he is, he is a nice guy. That like maybe that night *was* just a bad misunderstanding, or a night *gone wrong*, or he*had* a bad day, or his parents *got* in a car crash/Явсеещенадеюсь, чтоотецЗиггихорошийчеловек. Можеттаночьбыланедопониманиемилиденьунегосложилс яплохоилиродителивавариюпопали”, “When Abigail *was* a little baby, Nathan *wasnot* around and I *was* a single mom. AndI’mstillangryaboutit/Когда Эбигейл была маленькой, Нейтон не был рядом и я была матерью-одиночкой. Меня до сих пор это злит”. Прошедшее время особенно ярко

подчеркивает значимость пережитого физического абьюза женщины.

3) Способ борьбы с абьюзивными отношениями демонстрируется посредством *императива*: *You need to get in the car right now and pick up*/Езжай и забери Амабеллу из школы”, *“You’re gonna go into Malcolm and tell him we have a new deal. And sweeten the executive stock options pool*/Скажи Малькольму, что у нас новая сделка. Подай им опции пожирнее”. Императивные предложения, характеризующие речь Ренаты Клейн, показывают ее попытку загрузить себя работой и ребенком, чтобы не замечать семейного неблагополучия.

4) С помощью *дейксиса 1 лица единственного числа* женщина эксплицирует себя как объекта абьюзивных действий: *“Let me go*/Отпусти меня”, *“When he hurts me*/Когда он делает мне больно“, *“You gonna hit me now?/Ударить меня?”*. Это показывает, что женщина воспринимает себя объектом насильственных действий.

5) С помощью *дейксиса 1 лица множественного числа* отражается указание женщины на абьюзера: *“We both acknowledge that this relationship is toxic. That’s why we made the appointment to come in, because we know that. We know it and we want to learn techniques, strategies, that’s what we want to make us stop*/Мы оба признаем, что отношения опасны. Потому мы и пришли к вам изначально. Потому что мы об этом знаем. Мы хотим обучиться каким-то техникам, чтобы заставить нас прекратить”. С помощью местоимений «we», «us» героини включают себя в ситуацию насилия.

б) Последствия пережитого насилия проявляются через *сравнения*, которые героини употребляют в разговорах: “It was like he was operating some piece of machinery or something /Обращался со мной как с куклой”.

7) Использование *Я-конструкций* подчеркивает включенность героини в ситуацию абьюза как жертвы: “We both become violent sometimes. I take my share of the blame. I’m ... I’m not a victim here. I’m not. I hit him. I throw things at him. Help, that’s what I want /Мы иногда оба проявляем жестокость. Я тоже виновата. Я... Я не жертва. Я бью его. Я бросаю в него вещами. Я хочу помощи”.

Исследование речи женских персонажей в американском драматическом телесериале “Big Little Lies” («Большая маленькая ложь» 2017 г.) позволяет говорить о реалистичном образе современной американки. Это женщина, которая столкнувшись с домашним насилием, сексуальными домогательствами, изменами и тяготами материнства, испытывает страх, тревогу, пассивную и активную агрессию и занимается эскапизмом, что всесторонне репрезентировано на всех языковых уровнях в диалогах кинопроизведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Монастырский В. А. Эволюция образа женщины в американском кино (Путь к партнерству и лидерству) // 1998. URL: https://womaninrussiansociety.ru/wp-content/uploads/2014/04/1998_2_Monastyrsky_32_43.pdf (дата обращения: 22.11.2022)

2. Шестопалова Е. Р. Особенности правового регулирования криминогенной виктимности женщин и

профилактика семейного насилия // Административное и муниципальное право. – 2012. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-21225 (дата обращения: 22.11.2022)

3. BigLittleLies/Большая маленькая ложь // URL: https://englishmoon.online/load/serialy_na_anglijskom/1_sez_on_seriala_big_little_lies_bolshaja_malenkaja_lozh_2019/23-1-0-268 (дата обращения 20.11.2022)

А.Ю. Магина,

аспирант

(Русская христианская гуманитарная академия)

Санкт-Петербург, Россия

maginanastasia@yandex.ru

А.С. Павлова,

аспирант

Санкт-Петербург, Россия

pavlova@raum.rent

ВОСТОК-ЗАПАД – К ВОПРОСУ О КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ВОПЛОЩЕНИЯХ РОМАНА «МОЛЧАНИЕ»

В XVII веке Япония, вступившая в новую для себя эпоху Эдо, продолжала оставаться закрытой для иностранцев, но, тем не менее, в страну проникали идеи извне, в частности, христианская религия. Впервые японцы столкнулись с христианством в XVI веке, и, если поначалу к учению местные власти относились благосклонно и даже с поддержкой, то впоследствии японские христиане